

А. Г. Щелкин

**«КАЖУЩЕЕСЯ ПРАВДОПОДОБИЕ»:
ЧТО НЕ ТАК С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ
ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ?**

В статье предпринята попытка ответить на вопрос, почему значительная часть современного западного общества придерживается иллюзии относительно того, что, легализуя однополые браки, социум не только не подвергает себя деструктивным последствиям, но, напротив, совершает акт справедливости по отношению к геям и лесбиянкам. Как считает автор, причина этой иллюзии лежит в ложном понимании принципа «равенства прав», в данном случае, «равенства прав» на традиционные и однополые браки. На самом же деле, по мнению ряда ведущих социологов, приравнивание к основным правам человека «прав меньшинств», в том числе и сексуальных, является симптомом опасности, ведущей к деструктивным последствиям для общества. Опасность состоит в том, что легализация однополых браков идет по юридической формуле «Брак для всех», то есть традиционный брак подвергается под этот новый формат, куда он может вмещаться только ценой неприемлемой деконструкции.

Ключевые слова: Гей-браки, лесби-браки, гей-лоббизм, гендерное равенство, «брак для всех» как «ложная форма сознания», легитимизация гей-браков, антигейский протест.

SHCHELKIN ALEXANDER G.

**“APPEARING RESEMBLANCE TO THE TRUTH”:
WHAT IS WRONG WITH THE LEGALIZATION
OF SAME-SEX MARRIAGE?**

The article studies the tendency of a growing and large-scale phenomenon — the legalization of same-sex marriages in many modern countries. At one time it seemed that the struggle of gay men against the criminal prosecution of homosexuals gave its results — homosexuality is decriminalized, one-sex partnership is not prosecuted by law. But the LGBT movement did not stop there. The goal is to legitimize at the state level same-sex marriages and the right to adopt children in them. The phenomenon is unprecedented, breaking the continuity of the entire civilizational process. Children without a full pair of parents. Uncontrolled explosion of the reproductive technologies market. Conceptual chaos in the dictionary of family relations. And the most important claim of the LGBT movement is the “equalization” of the constitutional and legal status of homosexual and traditional marriages.

The heterosexual majority starts vigorously to oppose the explicit search of demands from gay activists. Today the main strategy of LGBT activists is to rely not so much on public opinion and referendums, as on appealing to the political establishment of their countries.

Keywords: gay marriage, gay lobbying, gender equality, “marriage for all” as a “false form of consciousness”, a mechanism to legitimize gay marriage, anti-gay protests and discussions in intellectual circles.

Введение

Одно время казалось, что борьба геев против уголовного преследования гомосексуалистов дала свои результаты — гомосексуализм декриминализован, однополое партнерство перестало преследоваться законом. Но движение ЛГБТ на этом не остановилось. Его цель — легитимизировать на государственном уровне однополые браки и право усыновления в них детей. Феномен беспрецедентный, ломающий преемственность всего цивилизационного процесса. Дети без полноценной пары родителей. Бесконтрольный взрыв рынка репродуктивных технологий. Концептуальный хаос в словаре семейных отношений. И самая главная претензия ЛГБТ-движения — «выравнивание» конституционного и юридического статуса гомосексуального и традиционного браков.

Постановка проблемы

Вопрос, с которого приходится начинать исследование, лежит на поверхности. Почему при том, что можно наблюдать значительные протесты гетеросексуального большинства против легализации гей-браков, а также при том, что в серьезных интеллектуальных дискуссиях доказывается теоретическая непроработанность феминистской доктрины «равенства полов», — почему все-таки растущее большинство населения на Западе не видят в легализованных гей-браках никакой ненормальности. Объяснить этот факт только изошренным и сильным гей-лоббизмом едва ли было бы возможно, не обладай требование легализации однополых браков, требование «брака для всех» тем, что иногда называют «кажущимся правдоподобием». Действительно, как ставит вопрос ЛГБТ-сообщество? Если у гетеросексуалов есть признаваемые обществом и узаконенные браки, то почему гомосексуалы должны быть лишены такой возможности? Здесь же в одной связке идут вопросы о «правах сексуальных меньшинств»

как «правах человека», о «праве на счастье» иметь детей в однополых браках, о необходимости признать тот факт, что мы живем в «новой реальности» — реальности «плюрализма» и «демократизма» сексуальных отношений и т. д., и т. д. Кажется, что это вполне правдоподобные вопросы. А то, что представляется правдоподобным, обычно не вызывает ни протеста, ни критики. Отсюда и наблюдаемая, особенно в молодежной аудитории, беспечность и даже игривость в восприятии этого гей/лесби-феномена.

Ницше на склоне своей философской карьеры предупреждал, что «реальность очень даже правдоподобна». Продолжим эту мысль на единственно приемлемый лад. Кроме наблюдаемой и своеобразной реальности есть и «онтологическая подлинность», есть «природа вещей», есть «аутентичность», есть «подлинная действительность». Именно она не обманет. Именно она обеспечивает устойчивость и приемлемость социального бытия и его институтов, несмотря на изобилие ложных «проб» и тупиковых ошибок, которые сопровождают жизнь и историю человеческого общества. С этой точки зрения теперешнее «триумфальное шествие» легализации однополых браков представляется совсем в ином свете, как-то исключаящее уже отмеченную беспечность и игривость.

«Брак для всех» — ловушка для повседневного сознания

Дело в том, что феномен «однополых браков» в плане когнитивного восприятия — довольно коварное явление. Это действительно так, потому что гей-тема полна «эпистемологических ловушек», которые в общественной науке называются все той же «кажущейся правдоподобностью», «призрачной объективностью», «обманчивой видимостью» и т. д. В самом деле, с внешней стороны в логике гей-лоббизма есть своя «правда»: мы, геи, де не просим ничего лишнего: дайте нам, сексуальным меньшинствам, то, что есть у вас, у гетеросексуального большинства, — право быть супругами.

Адекватно ориентироваться в этих «миражах» — это, конечно, работа не для массового и повседневного сознания. Как выразилась Г. Куби, «население очень смутно ощущает случившиеся изменения» (Куби 2008). Это труд для профессионального и опытного социолога.

Итак, с какой «самоочевидности» начинается гей-дискурс? Право на «брак для всех» является якобы «основным правом человека». Действительно, вопрос о том, относится ли «право» на гей-брак к разряду универсальных прав человека, или это, в лучшем случае, «льгота»

и «экссклюзив» для гомосексуального минорити, составляющего 1–1,5% в демографии современного общества, — вопрос этот мог бы быть хорошей иллюстрацией уже упомянутой «гносеологической» коварности гей-реальности.

Права сексуальных меньшинств и «права человека»

Обращение к теме «прав человека» со стороны представителей секс-меньшинства выглядит, на первый взгляд, довольно логично. Правовое и демократическое сообщество всегда предполагает сохранение и соблюдение не только прав большинства, но и прав меньшинств. Однако, как бы логически непротиворечиво ни смотрелся этот аргумент, мы имеем самую настоящую коллизию не без деструктивных последствий для социума (Новоселова 2013: 109).

Коллизия состоит в том, что «универсальные права человека» и «права меньшинств» — это совершенно разные вещи. «Права человека» потому и называются «универсальными», что они принадлежат каждому человеку независимо от национальности, места проживания, пола, этнической принадлежности, цвета кожи, религии, языка или любых других признаков, включая сексуальную ориентацию. Однако приравнять на этом основании «правовые» претензии геев на суб/контркультуру в «публичном пространстве» (гей-парады), на кардинальное изменение институтов семьи и супружества (гей-браки и усыновление детей в этих браках), — приравнять эти «права» к «правам человека» — это явная подмена понятий, чреватая цивилизационным и антропологическим «суицидом».

«Права человека» — это всегда «права» на что-то, и это «что-то» в современном мире отчетливо и строго кодифицировано. Сошлемся, например, на «Всеобщую декларацию прав человека» (1947): право на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность, право свободно передвигаться в пределах каждого государства, право на гражданство, право владеть имуществом и т. д. Если «право геев» означает «право не быть преследуемым» за гомосексуальность — это одно, и в этом смысле это «право» может с полным основанием быть отнесено к «правам человека». О праве же геев на брак можно говорить, скорее, как о привилегии, как об эксклюзиве. Но здесь уже вступает в силу другая логика: не «прав человека», а «прав меньшинств».

Многие исследователи в последнее время как раз и обращают внимание на прискорбный факт «понятийного кризиса» в теме «защиты прав меньшинства». Суть последнего состоит в том, что «частное»

возводится в ранг «универсального», частные интересы той или иной «группы меньшинства» подверстываются под «универсальные права человека», в результате чего конструкция «универсальных прав» рушится на корню.

Дело в том, что декларация защищает универсальные (всеобщие) права, которые являются, так сказать, «цивилизационным минимумом» современности, в то время как «культурные традиции», на которых иногда спекулируют в том числе и «меньшинства» (или политические режимы), собственно к культуре и цивилизованности отношения не имеют. Совсем не всегда можно говорить об уважении прав личности посредством «уважения культурных различий». «А что если культура, которую призывают уважать релятивисты, предполагает неуважение прав отдельной личности и проповедует подавление инакомыслящих? Когда девушка пытается защитить себя от обычаев уродовать женские гениталии, перетягивать ступни или выдавать за назначенного в детстве мужа; когда вдова не хочет быть сожженной в погребальном костре вместе с покойным супругом, — такой релятивист предлагает “уважать” культурные традиции и обычаи, от которых стремится бежать отдельная личность. Поступая так, релятивист не только не уважает права этой личности, но и дает безусловное моральное одобрение пыткам, насилию и убийству» (Сяорон Ли 2000).

Не «релятивизировать», не «плюрализировать» и т. д. этот свод «универсальных прав человека», не размывать «золотой фонд» этих классических прав человека и гражданина отдельными претензиями со стороны его «миноритариев» — вот императив, который бы позволил бы современному социуму удержаться на уровне стандартов, которые бы прямо соответствовали его цивилизационному содержанию.

Вместе с тем у социологов есть основания для тревоги. И в самом деле, сегодня фактически мы имеем чисто механическое и аддитивное наращивание «прав» тех или иных социальных групп, в результате чего под угрозой оказывается, как уже отмечалось, сам этот базисный концепт «прав человека». Все желают привилегий по частным основаниям, в то время как речь должна идти, действительно, о защите универсальных *humana conditio*, условий человеческого существования. Видный американский социолог А. Этциони в работе «Дух общности» (1993) даже заговорил о моратории на расширение списка «прав человека», поскольку «инфляция прав» приводит к девальвации современной практики «прав человека», а вместе с этим к деградации моральных и социальных основ социума (Etzioni 1996). Почти

слово в слово эту же мысль высказал такой маститый наблюдатель за современной человеческой культурой, как К. Леви-Стросс: «Права человека были четко определены в американской и французской конституциях. В настоящее время открывают новые и новые права, даже само представление о правах человека становится расплывчатым или даже объявлено ничтожным, в то время как их [права человека] в реальности подчиняют определенным интересам» (Барлевен К. фон. Книга знаний... 2010).

Похоже, что теперешняя либеральная культура — именно культура в отличие от экономики и даже политики — пожинает плоды того, что видный французский интеллектуал Пьер Манан назвал «неограниченным суверенитетом личности», что в более точном социологическом переводе, скорее, звучало бы правильнее, как «неограниченный эгоизм/нарциссизм личности». Развивая эту мысль, другой французский автор, Гийом де Премар, считает, что «в диалектике меньшинств смысл закона [об однополых браках] в том, чтобы обеспечить социальное признание индивида во всех его проявлениях. По такой логике всем нужен статус, хотя он у них уже есть: это статус человека и гражданина. Каждый требует для себя новых прав, которые не опираются ни на какие общие реалии. Логика меньшинств — это безумное движение к некоему фиктивному обобщенному равенству, которое ведет к войне всех против всех. И мы видим, как расшатываются принципы совместной жизни в обществе: все сейчас задаются вопросом, как жить вместе» (Однополые браки... 2016).

С автором только что цитированной мысли солидарен известный немецкий социолог У. Бек, который справедливо рассматривает триумф ЛГБТ-сообществ в контексте такого стихийного бедствия, как солипсизм и эгоизм социальных групп, сформированных не только по гендерному принципу. В частности, он не без тревоги пишет о «проявлении некой постмодернистской романтики», устремленной на «сохранение идентичности, проводимой различными меньшинствами в Соединенных Штатах: черными, женщинами, гомосексуалистами, латиноамериканцами и т. д.» (Бек 2008: 48).

Очевидный диагноз складывающейся ситуации с дроблением объектов «защиты прав человека» вплоть до самых незначительных *minorities* может быть обозначен следующим образом. Эти «минорити», опираясь (а скорее, паразитируя на постмодернистской редакции принципа «толерантности», «локальности» и т. д.), доводят положение дел фактически до того, что теперь называют «обратной дискриминацией» и необходимостью «защиты прав большинства».

Обратная дискриминация и защита прав большинства

В литературе, посвященной теме «обратной дискриминацией», принято ссылаться на хрестоматийный случай, когда в 2003 г. городской пожарной департамент Нью-Хейвена (США) аттестовал служащих на офицерские должности. Экзамен успешно прошли только белые и ни одного негра. Городской совет по делам государственной службы отверг результаты тестирования. Белые соискатели нашли в этом признаке «обратной дискриминации» и подали в суд. В итоге дело дошло до Верховного суда США. Последний нашел требования белых истцов справедливыми: «Верховный суд недвусмысленно указал работодателям, что награждать негров и другие меньшинства только за то, что они не белые, неверно. Наблюдатели заговорили о “смене правил”, по которым ведется кадровая политика в стране» (Белые — тоже люди... 2009). Недовольство «обратной дискриминации» зафиксировано в ряде социологических опросов. В частности, «в США по данным за 2012 год 86% согласились с тем, что “мы должны сделать все необходимое, чтобы убедиться, что каждый имеет равные возможности для достижения успеха”, и лишь 33% согласились с тем, что “мы должны сделать все возможное, чтобы улучшить положение негров и других меньшинств, даже если это означает дать им преференции”» (De Silver D. As Supreme Court... 2013).

Как реакция на «обратную дискриминацию», довольно быстро возникает задача «защиты прав большинства». Задача защиты прав большинства относится не только к сфере сексуальных паттернов, но и к области экономической, религиозной, культурной жизни. Например, Л. Оргад рассматривает тревожную ситуацию с угрозой для национальной идентичности коренных народов в странах Западной Европы по причине беспрецедентного притока в эти страны мусульман: к 2051 г. в таких странах, как Австрия, Бельгия, Германия, Испания, национальный баланс радикально изменится — нынешнее большинство превратится в меньшинство в собственной стране. Значимое число мусульман, живущих в Западной Европе, не приемлет ее ценности и предпочитает нормы шариата. Л. Оргад предложил рассмотреть эту проблему терминах «либеральной теории прав большинства» (Кожокин 2017).

Новейшая история спасения «прав большинства» началась как реакция на указанные издержки защиты «прав меньшинства». Но и защита прав большинства не должна вернуть нас в исходное положение полного игнорирования прав меньшинства. Одним словом, не должно

быть «абсолютной победы» ни одной из сторон. В нашем случае, в случае единого «брака для всех» маятник сильно качнулся в сторону гей-минорити. Дело в том, что субъекты традиционного брака попадают в по-новому кодифицированную юридическую реальность: они теперь уже не «муж» (от слова «мужчина»), не «жена» (от слова «женщина»), а «супруг-1» и «супруг-2». Квир-доктрина не допускает половую дихотомию как основание для брака. Если в разнополом браке рождаются дети, то теперь взрослые люди, от которых эти дети произошли, уже не «отец» и «мать», а «родитель-1» и «родитель-2». И это не единственная цена «уравниловки», декретируемой законом «Браком для всех», то есть законом, ставящим «равенство» между гетеро- и гомосексуальными браками. Как быть?

Социальная мысль с драмой «несправедливого равенства» и «справедливого неравенства» столкнулась не сегодня. В социуме это тот один вид «справедливого» неравенства, на которое «согласны все». Критерий такой справедливости сформулировали классики, а в наше время его обосновывал Дж. Роулз (J. Rawls) (1921–2002): неравенство справедливо до тех пор и в том случае, когда оно результируется в «наибольшей выгоде наименее преуспевших». Грубо говоря, в этой игре «с ненулевыми суммами» нет безнадежно проигравших (Роулз 1995). Достигается это консенсусом и добровольностью. Область этого согласия не совпадает с юридическим полем, тип этого согласия ближе к сфере этики и здравого смысла.

Вот это-то умение договариваться и образует самую острую проблему для современных «меньшинств», в том числе сконструированных по гендерному принципу. Если кратко сформулировать «стратегему» для подобных «минорити», то она могла бы звучать банально просто и вечно: «Надо договариваться!» С кем? В нашем случае с «большинством». Потому что за «большинством» — право на «цивилизационную норму», а за (сексуальным) меньшинством — право на «культурный эксклюзив». При этом видно невооруженным глазом, на Западе ЛГБТ-сообщество совсем не склонно договариваться со своими оппонентами в гражданском обществе. Легче всего для геев обозвать тех, кто не согласен с гейской суперактивностью и их самой завышенной планкой требований, — обозвать противников «гомофобами» и не вступать с ними в контакт. Ставка со стороны гей-активистов делается на парламент, высшую исполнительную власть и суды, поскольку все эти власти идут на опережение и признают в законном порядке право геев на однополый брак и усыновление детей в нем.

Квир-концепция как оксюморон

Невероятно, но факт, все те же обыденные «современники» (о самоинтересованных гей-активистах говорить не приходится) не замечают той логической нестыковки, которая лежит в основе радикального феминизма. Речь идет буквально о «противоречии в определении» — «contradiction in adjective». Известно, что, с одной стороны, радикальные феминистки и ЛГБТ-активисты выступают за полное равенство и тождество «статусов» и «прав» мужчин и женщин, гетеросексуального большинства и гомосексуального меньшинства, за «браки для всех». Однако, с другой стороны, они, в полном соответствии с квир-теорией, категорично настаивают на своей «обособленности», на своей «несхожести», на «неодинаковости» своего мира с миром «остальных», «непохожести» их гей-поведенческих паттернов на каноны традиционной сексуальности. Радикальные феминистки начинали с сокрушительной критики брака. В 1984 г. одна из них, Глория Стайнем, прославилась знаменитым афоризмом: «Я не могу спариваться в неволе». К середине же 2010-х гг. дело закончилось легализацией однополых браков. Традиционный брак со всеми его юридическими и лингвистическими реквизитами стал триумфальной добычей для всех «квир-минорити». Правило непротиворечивости в нашем случае требует, как известно, держаться принципа «одно из двух»: или признание «суверенной обособленности» нетрадиционной сексуальности (и тогда неуместны претензии на «равенство» с традиционной гетеросексуальностью), или признание исторически сложившейся традиционной брачной доминанты (и тогда, скорее, уместным становится выбор и легализация однополых браков в формате так называемого гей/лесби-«партнерства»).

По существу говоря, это «концептуальная непроработанность» преследует гомосексуальное движение на всех этапах его восходящих претензий. Как пишет Е. Холмогоров, «Современное гей-движение имеет логическую нестыковку, при которой его конечные требования представляют собой отрицание начальных посылок» (Холмогоров 2011). И в самом деле «Требование для гомосексуалистов признания их “третьим полом”, “другими” и т. д. в логическом смысле уничтожает сами основания для подобных требований, поскольку уничтожает понятие гомосексуализма... Тема сексуального предпочтения мужчинами мужчин может существовать только в том случае, если есть... мужчины... [а это уже не “квир”, не “третий пол” и т. д.] ». Аналогичный «оксюморон» более лаконично подчеркивает и Г. Куби. Радикальные

феминистки, с одной стороны, утверждают, что нет различия между мужчиной и женщиной, а с другой — защищают права женщин (Куби 2012). О том же самом пишут и другие исследователи: «Идеологические лидеры гендер-движения, такие как, например, Джудит Батлер, путаются в противоречащих друг другу высказываниях. С одной стороны, они заявляют, что “не существует мужчин и женщин, пол — это фантазия”, а с другой, борются за права женщин <...> или утверждают, что гомосексуальную ориентацию изменить нельзя, хотя в сексуальности все вроде бы гибко и условно» (Око 2013). Можно привести множество «печальных парадоксов», которыми заканчивались на практике очередные победы гей-сообщества.

Претендуя на присутствие своих малочисленных и частных гомосексуальных практик в универсуме «остального» общества, они, если они открывают свои «ниши» для присутствия носителей гетеросексуальных практик, тут же подвергают себя тому, от чего они хотели бы защититься и быть «не как все», а «другими». Например, ссылаясь на «права человека», секс-меньшинства хотели бы, не теряя своей экстравагантной культурной атрибутики и идентичности, присутствовать во всех общественных местах «остального» общества, а не только в гей-кафе и прочих «своих» нишах. Но это автоматически означало бы (по принципу одинакового применения права), что и гетеросексуалы имеют права на посещение «закрытых» гомосексуальных гей-кафе и прочих мест, отмеченных гомосексуальным статусом. Желанного присутствия «на особицу» у секс-меньшинств при такой претензии на абсолютизацию своих прав не получается (Щелкин 2013).

В этой же связи надо сказать, что некоторые ЛГБТ-активисты готовы признать это *contradiction in adjecto*. По этой причине, например, «есть лесбиянки-феминистки, выступающие против однополых браков <...> Брак для них — институт, служащий интересам мужчин, а не женщин. Кроме того, по их мнению, брак «гетеронормативен», то есть представляет собой институт, где предпочтительной и нормальной сексуальностью является именно гетеросексуальность» (Гейгин 2013). По-видимому, отсюда в гей-сообществе можно наблюдать и более реалистическое понимание «равенства» традиционного и однополого браков в духе лозунга «раздельно, но равноправно».

Говоря о «логической нестыковке» в гей-доктрине, приходится сказать и нечто в методологическом разрезе. В понятийном поле, а тем более юридическом пространстве, любой феномен (в нашем случае, брак) существует, если он «определен» как термин, как понятие, как концепт. Известная формула Спинозы остается в силе — «определить

значит о (т) граничить». Если вы, как в случае с ЛГБТ-доктриной, не о (т) граничиваете, а, напротив, вносите радикальные изменения в состав субъектов брака, то вы открываете «ящик Пандоры»: число и характер этих субъектов не будет знать границ. После этого ничто не мешает заинтересованным активистам «бороться» как за свое «право» на брак: с родственниками (промискуитет), с несколькими персонами (многоженство и полиандрия), с самим собой (сологамия). «Переопределение» брака в корне меняет его онтологию, а значит, и сущность. С этого момента приходится фиксировать разрыв «цивилизационного шаблона». В более упрощенном смысле можно говорить и о такой неуютной (в методологическом разрезе) ситуации, как разрыв «со здравым смыслом».

Пожалуй, подходящим примером мог бы быть назван недавний масштабный скандал, который разразился в западном научном сообществе. Трое уважаемых ученых в течение года писали откровенно бессмысленные статьи, чтобы показать, что сегодня ультрафеминистская социология руководствуется идеологическим клише: осуждение угнетателей и выражение поддержки «униженным и угнетенным». Содержание статей было откровенным издевательством над здравым смыслом. Например, в одной из них предлагалось дрессировать мужчин, как собак. В другой — заставлять белых студентов слушать лекции, сидя закованными в цепи за рабовладельческое прошлое их предков. В третьей предлагалось считать мастурбацию, в ходе которой мужчина представляет в своих фантазиях реальную женщину, актом сексуального насилия по отношению к ней. Вершиной авторского издеательства над феминистской «образованщиной» стала статья с названием «Наша борьба — это моя борьба», откровенно перекликающимся с названием работы хрестоматийного чудовища XX столетия. Считается, что «скандал до сих пор сотрясает американское — и в целом западное — научное сообщество... [Как сказал один из трех авторов скандального эксперимента] мы считаем, что тема гендера, расовой идентичности и сексуальной ориентации, конечно, заслуживает исследования. Но важно исследовать их правильно, без [идеологической] предвзятости» (Научный скандал года... 2018). К сожалению, гендерно-феминистская «революция» откровенно перешагнула пределы, которые ставит принцип, известный с античности: «Ничего сверх меры. — Ne quid nimis», а также принцип «логической самопротиворечивости. — Contradiction in adjecto». «Переписывая» содержание таких цивилизационных констант, как брак и семья, и закрепляя эти «переопределения» юридически, общество постмодернизма предлагает

онтологически малосуразный оксюморон — «брак» и «семья», которые таковыми не являются. Социологам как ученым остается только оценить социально-цивилизационные последствия.

Политический промоушен: скрытая часть айсберга

Казалось бы, юридическое признание однополых браков — это довольно простой и достаточно затяжной процесс. Как же произошло так, что правовые органы с быстротой лесного пожара устремились на рубеже XXI столетия уравнивать нетрадиционные браки с традиционными?

Известно, что общественное мнение адекватнее всего подсчитывается на референдумах и с помощью социологических опросов. Но именно эту «народную легитимизацию» ЛГБТ-активисты и стараются обойти. Лоббисты однополых браков лучше всего себя чувствуют в коридорах власти, чем в общественных дискуссиях. Они в большей степени опираются на такие механизмы и структуры, как media-пропаганда, корпус высшей судебной власти, партийная элита и высшие эшелоны исполнительной власти.

Типичный пример. В мае 2017 г. на Бермудских островах решением Верховного суда (!) были разрешены однополые браки. Это решение суда было встречено буквально в штыки местным населением. Перед зданием парламента прошли многотысячные акции протеста. В результате в феврале 2018 г. британский губернатор Бермудских островов вынужден был срочно вмешаться и подписать закон, предусматривающий отмену права гомосексуальных пар на вступление в брак (На Бермудских островах... 2017). Этот эпизод, как в миниатюре, характеризует тот факт, что государственные структуры довольно легко вводят правовые нормы для однополых браков, а вот народная, демократическая легитимация идет гораздо труднее.

Читая книгу «Миф равенства»

В заключение хотелось бы обратить читательское внимание на недавно вышедшую в Америке работу «Миф равенства» (электронная публикация в журнале “Modern”, Jul. 18, 2015). «Миф равенства» представляет собой компендиум критических и суровых аргументов в отношении американской «гей-революции» и ее антиамериканских последствий.

Прежде всего, в книге артикулируется генезис гей-тренда: «с 2009 года поддержка гей-браков в США росла в среднем на 4 пункта. Публицист Кристофер Колдуэл отметил, что общественное движение не может меняться так быстро. <...> С начала прошлого века ни одна социальная идея в Америке не была настолько навязана элитами, как гей-браки» (Миф равенства... 2015).

Примечательный факт — как быстро меняли свою позицию первые лица государств в последнее время. Например, Б. Обама в начале своего президентства был против гей-браков, а закончил тем, что решение Верховного суда, предписывающее всем штатам регистрировать однополые браки, он назвал «победой для Америки». Таким же подстраиванием под избирателя отмечена мгновенная эволюция Х. Клинтон, Н. Саркози, А. Меркель.

Американский пример интересен тем, что при более тщательном взгляде все выглядит не так триумфально для гей-политики, как можно подумать после сокрушительного решения Верховного суда 2015 г. В работе «Миф равенства» подчеркивается уже неоднократно акцентируемое здесь обстоятельство: «Решение неконституционно. Суд не законодательный орган. Председатель Верховного суда Джон Робертс, проголосовавший против легализации гей-браков, пишет в особом мнении: “Конституция не имеет с этим решением ничего общего. Верховный суд — это не законодательный орган. Вопросы, являются ли гей браки хорошей идеей, не должны нас интересовать. Согласно Конституции, судьи могут лишь говорить, как выглядит существующий закон, а не каким он должен быть”. <...> Судья А. Скалия в своем особом мнении [пишет]: “Эта практика пересматривания Конституции избранным комитетом из 9-ти судей лишает народ самой важной свободы: свободы самоуправления”» (Миф равенства... 2015).

И это еще не все. Попытки легализовать гей-браки демократическим путем предпринимались неоднократно. Тем не менее из 37 штатов, в которых гей-браки были легализованы до июня 2015, только в восьми легализованы через конгресс штатов, и еще в трех — через гражданский плебисцит. Во всех 26 штатах гей-браки были узаконены исключительно на основании решений верховных судов этих конкретных штатов.

Основной посыл работы «Миф равенства», по всем признакам, бескомпромиссен. Решение Верховного суда — опасный шаг на пути делигитимизации религиозных верований миллионов жителей США, положенных отцами-основателями Конституции 1787 г.

Решение Верховного суда — это «маргинализация и демонизация тех, кто придерживается традиционного определения брака» (Миф равенства... 2015). Другой не менее принципиальный аргумент — это критика того, во что превращается сегодня американское государство и весь либеральный вашингтонский истеблишмент в последние годы. «Переопределение брака будет иметь огромные последствия и приведет к росту государственного тоталитаризма как напрямую через “репрессивную толерантность”, так и косвенно, путем разрушения культурных норм, которые сегодня служат противовесом, сдерживающим экспансию государственной власти в жизнь граждан. <...> Государство взялось переписывать словари, закрепляя в них взаимозаменяемость полов. <...> Пока общество ослабляет рациональный базис брачных норм, все меньше людей будут претворять их в жизнь» (Миф равенства... 2015). В подтверждении этого вывода в работе «Миф равенства» приводится симптоматичный факт: всего через несколько дней после решения Верховного суда популярное левое онлайн-издание «Politico» опубликовало статью «Пришло время легализовать полигамию». «Если консерваторам, — читаем мы в “Мифе равенства”, — не удастся “остановить прогресс”, то процесс юридического уравнивания полигамных браков с моногамными займет значительно меньше времени, чем заняла легализация однополых браков». Добавим от себя. В Колумбии так и случилось. В этой стране в городе Медельин 12 июня 2017 г. зарегистрирован брак между тремя мужчинами.

Оппоненты приравнивания «однополых браков» к статусу и правам «традиционных браков» обращают внимание на принципиальный аргумент, на котором основывали свое решение пять судей (против четырех) Верховного суда США. Эти пять судей, как они признают, исходили из того, что «новая реальность» (гей-брак) — это в меньшей степени вопрос деторождения. В главном, это вопрос защиты права меньшинства на «романтические отношения». «Теперь, когда предназначение брака не в деторождении, — как объяснил в своем послании судья Энтони Кеннеди, — а в закреплении романтических эмоций <...> все остальные детали, нормы и идеалы брака становятся произвольными пережитками отмирающего гетеронормативного общества» (Миф равенства... 2015). Противники же легализации гей-браков функцию деторождения в семье, заботы и воспитания детей в условиях традиционной семьи считают основным мотивом защиты гетеросексуальных браков. «Поскольку государство взяло на

себя задачу юридического определения брака, оно не должно заниматься переписыванием словарей, ставя политкорректность превыше реальности. <...> Традиционная семья сложилась естественным образом как оптимальное решение конкретной проблемы: от секса бывают дети» (Миф равенства... 2015).

Американские критики подошли к легализации однополых браков с позиций того, насколько привилегии для «гей-браков» являются заслуженными льготами, заслуженными правами. Принципиальный тезис работы «Миф равенства» — «права» принципиально отличаются от «привилегий». «Привилегии — это не права, это велфер. <...> Социальные привилегии — это возможность получить некие блага от государства: льготы, пособия, поправки. <...> Государство поддерживает союзы тех, кто создает новых граждан». Геи, как известно, под эту категорию не попадают. Отсюда и подмечаемая тенденция в гей-лоббизме и гей-практиках: постараться перетянуть чиновничью машину государства на свою сторону: «получение одобрения и даже благословение со стороны государства всегда было одной из основных целей ЛГБТ-движения» (Миф равенства... 2015). Однако усиливающееся присутствие государства — это, с точки зрения американской традиции, слишком высокая цена за «гей-либерализм»: «чем слабее становится институт семьи, тем “социалистичнее” и крупнее становится государство, и, соответственно, тем ближе становится огосударствление всех сфер человеческой жизни» (Миф равенства... 2015).

Источники

Барлевен К. фон. Книга знаний. Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени // М.: Прогресс-Традиция, 2010. 504 с.

Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 330 с.

Белые — тоже люди (2009). URL: <https://lenta.ru/articles/2009/06/30/firefighters/> (дата обращения: 30.12.2019).

Гейгин Т. Почему многие геи против однополых браков? (2013). URL: https://www.bbc.com/russian/society/2013/06/130611_gays_against_gay_marriages (дата обращения: 30.12.2019).

Кожокин Е. О защите прав большинства // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 177–182.

Куби Г. Призрак бродит по миру — гендерная идеология. URL: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=2564> (дата обращения: 30.12.2019).

Куби Г. Глобальная сексуальная революция: Разрушение свободы во имя свободы (2014). URL: <http://www.rodon.org/society-14121113657> (дата обращения 30.12.2019).

Миф равенства. Классический либеральный аргумент против государственных гей-браков (2015). URL: <https://medium.com/modern-magazine/myth-fc27433f22ac> (дата обращения: 30.12.2019).

На Бермудах отменили принятый ранее закон об однополых браках. 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42991952> (дата обращения: 30.12.2019).

Научный скандал года: ученые писали фейк-исследования, чтобы разоблачить лженауку. 2018 URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45751968> (дата обращения: 30.12.2019).

Новоселова Е. Однополый «брак» — тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 4. Социология семьи. С. 85–103.

Однополые браки во Франции два года спустя: полный провал. 2016. URL: <https://inosmi.ru/social/20160207/235300678.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Око Д. Гендерная революция (2013). URL: <https://inosmi.ru/world/20130312/206853289.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Сяорон Ли. Постмодернизм и универсальные права человека. URL: <https://pandria.ru/text/79/064/62616.php> (дата обращения: 30.12.2019).

Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian // Journal of Law and Society. 1996. URL: Agenda https://www.researchgate.net/publication/270234781_The_Spirit_of_Community_Rights_Responsibilities_and_the_Communitarian_Agenda (дата обращения: 30.12.2019).

Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 535 с.

Холмогоров Е. Гей-движение имеет логическую нестыковку. 2011. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2011/6/1/496185.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Щелкин А. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа) // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 132–141.

De Silver D. As Supreme Court defers affirmative action ruling, deep divides persist // Pew Research Center. 2013. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2013/06/24/as-supreme-court-defers-affirmative-action-ruling-deep-divides-persist/> (дата обращения: 30.12.2019).

References

Barloewen C. von. *Besedy s vydayushchimisya myslitelyami nashogo vremeni* [Knowledge book. Conversations with outstanding thinkers of our time]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2010, 504 p. (In Russian)

Beck U. *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan Vision]. Moscow, Centre for Post-Industrial Researches, 2008, 330 p. (In Russian)

Belye — tozhe lyudi [White people are also people]. 2009. URL: <https://lenta.ru/articles/2009/06/30/firefighters/> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

De Silver D. *As Supreme Court defers affirmative action ruling, deep divides persist*. Pew Research Center, 2013. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2013/06/24/as-supreme-court-defers-affirmative-action-ruling-deep-divides-persist/> (access date: 30.12.2019).

Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian. *Journal of Law and Society*, 1996, June. URL: https://www.researchgate.net/publication/270234781_The_Spirit_of_Community_Rights_Responsibilities_and_the_Communitarian_Agenda (access date: 30.12.2019).

Geoghegan T. Pochemu mnogie gei protiv odnopolyh brakov? [*The gay people against gay marriage*] 2013. URL: https://www.bbc.com/russian/society/2013/06/130611_gays_against_gay_marriages (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Holmogorov E. *Gey-dvizhenie imeet logicheskuyu nestykovku* [*The gay movement has a logical inconsistency*]. 2011. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2011/6/1/496185.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Kozhokin E. O zashchite prav bol'shinstva [On the protection of the rights of the majority]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], 2017, no. 1, pp. 177–182. (In Russian)

Kuby G. *Prizrak brodit po miru — gendernaya ideologiya* [*A Ghost haunts the world-gender ideology*]. URL: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=2564> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Kuby G. *Global'naya seksual'naya revolyutsiya: Razrushenie svobody vo imya svobody* [*The global sexual revolution: Destruction of freedom in the name of freedom*]. [2014]. URL: <http://www.rondon.org/society-141211113657> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Mif ravenstva. Klassicheskiy liberal'nyy argument protiv gosudarstvennyh gey-brakov. [*The myth of equality. The classic liberal argument against state gay marriage*]. [2015]. URL: <https://medium.com/modern-magazine/myth-fc27433f22ac> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Na Bermudah otmenili prinyaty ranee zakon ob odnopolyh brakah [*In Bermuda, the previously adopted law on same-sex marriage was canceled*]. 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42991952> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Nauchnyy skandal goda: uchenye pisali feyk-issledovaniya, chtoby razoblachit' lzhenuku [*Science scandal of the year: scientists wrote fake research to expose pseudoscience*]. 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45751968> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Novoselova E. Odnopolye “brak” — tupikovaya vetv' evolyutsii sem'i i obshchestva [Same-sex “marriage” — a dead end branch of the evolution of the family and society]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University's. Series 18. Sociology and political science], 2013, no. 4, pp. 85–103. (In Russian)

Odnopolye braki vo Frantsii dva goda spustya: polnyy proval [*Same-sex marriage in France two years later: total failure*]. 2016. URL: <https://inosmi.ru/social/20160207/235300678.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Oko D. *Gendernaya revolyutsiya* [*Gender Revolution*]. 2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130312/206853289.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Rawls J. *Teoriya spravedlivosti [Theory of justice]*. Novosibirsk, Publishing house of NSTU, 1995, 535 p. (In Russian)

Shchelkin A. Netraditsionnaya seksual'nost' (opyt sotsiologicheskogo analiza) [Non-traditional sexuality (experience of sociological analysis)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2013, no. 6, pp. 132–141. (In Russian)

Xiarong Li. *Postmodernizm i universal'nye prava cheloveka [Postmodernism and universal human rights]*. URL: <https://pandia.ru/text/79/064/62616.php> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Щелкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Shchelkin Alexander G., Dr. Sci. (Philos.), Prof., leading researcher of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. evropa.ru@gmail.com